

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУНИНА»

ФИЛОЛОГОС

Выпуск 12

Елец – 2012

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Редакционная коллегия

Б.П. Иванюк, доктор филологических наук, профессор – главный редактор
Н.В. Барисова, доктор филологических наук, профессор
Т.П. Дудина, доктор филологических наук, профессор
В.И. Казарина, доктор филологических наук, профессор
Н.Н. Комлик, доктор филологических наук, профессор
И.М. Курносова, доктор филологических наук, профессор – отв. секретарь
Т.М. Свиридова, доктор филологических наук, профессор
Р.И. Хашимов, доктор филологических наук, профессор

Ф 54 ФИЛОLOGOS. – Выпуск 12. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012.
– 144 с.

В 12-м выпуске научного журнала «ФИЛОLOGOS» печатаются статьи по проблемам когнитивной и функциональной лингвистики, мифопоэтики и поэтики текста, компаративистики и др. Продолжается публикация романа Т.В. Чурилина «Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа)». Помещены рецензии на монографии: А.М. Саяпова. Диалог творческого сознания А.А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). – М.: изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2010. – 168 с.; А.С. Волковинский. Поэтика эпитета. – Каменец-Подольский, 2011. – 365 с. (на укр. яз.).

Адресуется профессиональной аудитории.

The twelfth issue of the scientific journal «PHILOLOGOS» includes papers devoted to various problems of cognitive and functional linguistics, mythological and text poetics, comparativistics. The novel of T. Churilin “Tyapkatan, the Russian comedy (the chronicle of a city and its people)” continues to be published. The number includes reviews of the monographs: A.M. Sayapova. The Dialogue of Creative Consciousness of A.A. Fet and the Orient (Fet and Hafiz). – Moscow: Flinta, Nauka, 2010. – 168 p.; A.S. Volkovinsky. Poetics of Epithet. – Kamienets-Podolsky, 2011. – 365 p. (in Ukrainian).

The issue is addressed to the professional audience.

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2012
© Авторы статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Статьи

Papers

<i>Архипова К.А.</i> К вопросу о категории обращенности и речевом воздействии молитвенного текста.....	6
<i>Arkhipova K.A.</i> To the category of addressation and speech influence of the prayer text.....	6
<i>Борисова Н.В.</i> Власть бессознательного в рассказе М. Пришвина «Крутоярский зверь».....	10
<i>Borisova N.V.</i> The power of the unconscious in the story "The beast of krutoyarsk" by M. Prishvin.....	10
<i>Дмитриева Е.И.</i> Компаративные синтаксические конструкции в английском, русском и немецком языках.....	17
<i>Dmitrieva E.I.</i> Comparative constructions in the English, Russian and German languages.....	17
<i>Дудина Т.П.</i> Драматургия русского оперного либретто: теоретико-терминологическая ситуация.....	27
<i>Dudina T.P.</i> Dramatic art of opera libretto: theoretic-terminological situation.....	27
<i>Дякина А.А.</i> Художественная аксиология Лермонтова и линии ее восприятия поэтами Серебряного века.....	36
<i>Djakina A.A.</i> Lermontov's art axiology and its lines perceptions poets of the Silver age.....	36
<i>Заки Синан.</i> Типы фразеологических единиц с названиями насекомых в русском языке.....	44
<i>Zaki Sinan.</i> Types of the Russian phraseology with the names of insects.....	44
<i>Ильина Т.В.</i> Сложноподчиненное предложение: к проблеме классификации.....	50
<i>Ilyina T.V.</i> Complex sentence: to the problem of classification.....	50
<i>Казарина В.И.</i> Синонимия структурных схем простого предложения со значением состояния живого существа, представленного косвенным падежом, в русском языке.....	57

Kazarina V.I. The synonymy of the structural schemes of simple sentences with meaning state of the being” represented by the oblique case in the russian language.....	57
Кибальниченко С.А. Основоположный орфический миф в творчестве Вячеслава Иванова.....	64
Kibalnichenko S.A. The basic orphic myth in creative universe of Viacheslav Ivanov.....	64
Лебедева В.Ю. Пространства mortality в романе В. Набокова «Защита Лужина».....	73
Lebedeva V.Yu. The spaces of mortality in the novel “The defense” by V. Nabokov.....	73
Свиридова Т.М. Конструкции с прямой речью как средство выражения значений согласия и несогласия в художественной речи.....	81
Sviridova T.M. Constructions with direct speech as the device of expressing the meanings of agreement and disagreement in fiction.....	81
Селеменова О.А. Антропоморфные состояния природы в русской языковой картине мира.....	87
Selemeneva O.A. The anthropomorphous states of the nature in the Russian linguistic picture of the world.....	87
Федосеева Ю.А. Импрессионистическая цветопись в произведениях Б.К. Зайцева и Н.П. Смирнова (к вопросу об индивидуально-авторской философии любви).....	93
Fedoseeva Y.A. Impressionist colours in B.K. Zaytsev's and N.P. Smirnov's literary works (on individually-author's philosophy of love question).....	93
Хашимов Р.И. Восточная лексика и ее реактивизация.....	102
Khashimov R.I. Oriental vocabulary and its reactivization.....	102
Черкасова А.А. Метафорические билексемы.....	109
Cherkasova A.A. Metaphorical billexemes.....	109
Черноусова И.П. Репрезентация сказочной концептосферы в диалоговой модели.....	116
Chernousova I.P. Representation of the fairy-tale conceptosphere of the in the dialogue model.....	116

Рецензии Book reviews

- Иванюк Б.П.** Большая книга о «маленьком» эпитете: Волковинский А.С. Поэтика эпитета. – Каменец-Подольский, 2011. – 365 с. (на украинском языке)..... 127
- Ivaniuk B.P.** A big book about a “small” epithet: Volkovinsky A.S. Poetics of epithet. – Kamienets-Podolsky, 2011. – 365 p. (in Ukrainian).... 127
- Пашкуров А.Н.** Саяпова А.М. Диалог творческого сознания А.А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). – М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2010. – 168 с. 128
- Pashkurov A.N.** Sayapova A.M. The dialogue of creative consciousness of A.A. Fet and the Orient (Fet and Hafiz). – Moscow: Flinta, Nauka, 2010. – 168 p. 128

Публикации Publications

- Чурилин Т.В.** Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа). Вступительная статья, подготовка текста, публикация и комментарии О.К. Крамарь..... 131
- Churilin T.V.** Tyapkatan, the Russian Comedy (The chronicles of a city and its people). The introductory article, preparing for publishing, publishing and comments by O.K. Kramar..... 131
- Сведения об авторах**..... 139
- К сведению авторов**..... 141

С.А. Кибальниченко
S.A. Kibalnichenko

**ОСНОВОПОЛОЖНЫЙ ОРФИЧЕСКИЙ МИФ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА**

**THE BASIC ORPHIC MYTH IN CREATIVE
UNIVERSE OF VIACHESLAV IVANOV**

На протяжении нескольких десятилетий Вячеслав Иванов проявлял неизменный интерес к мифу о растерзании Диониса. Наиболее полно этот сюжет разработан им в трагедии «Прометей», где он обогатился ветхозаветными элементами. Созданное Ивановым произведение, по сути, является языческой версией Книги Бытия. Трагедия «Прометей» призвана показать преемственность между религией орфиков и евангельскими временами. Ту же мысль Иванов сформулировал и в своих работах по классической филологии.

Ключевые слова: миф, орфизм, титаны, индивидуация, Дионис, античность.

For a long time Viacheslav Ivanov was interested in the myth of the dismemberment of Dionysus by the Titans. He completely elaborated this plot in the tragedy "Prometheus" where it enriched with elements of Old Testament. In fact Ivanov's play became a pagan verse of Book of Genesis. The tragedy "Prometheus" was aimed to underline relations between orphic religion and Christianity. Ivanov came to the same conclusion in his studies of the classical philology.

Key words: myth, Orphism, Titans, individuation, Dionysus, antiquity.

К мифу о растерзанном титанами младенце Дионисе Вячеслав Иванов проявлял неизменный интерес на протяжении нескольких десятилетий. К нему он обращался как поэт, филолог-классик и религиозный мыслитель. Иванов полагал, что основу мифа составляет «воспоминание о мистическом событии, о космическом таинстве», запечатлевшее опыт познания человеком миров иных. Такое определение будет не полным, если не дополнить его словом «гиероглиф» [5, т. 2, 556]. Миф – оставленный древними провидцами знак, смысл которого требует расшифровки. В этой точке завязывается главный узел, к которому сходятся все нити ивановского творчества. Чтобы понять миф, его надо творчески воссоздать, в чем и заключается миссия художника.

«Миф, прежде чем он будет переживаться всеми, должен стать событием внутреннего опыта, личного по своей арене, сверхличного по своему содержанию» [5, т. 2, 558]. Иными словами, художник должен вначале воспринять откровение, а затем воплотить полученное знание в своих произведениях, сделав его всеобщим достоянием. «Миф – отображение реальностей... Новый же миф есть новое откровение тех же реальностей» [5, т. 2, 555]. Последняя фраза заслуживает особого внимания, поскольку она как нельзя лучше характеризует суть творческого метода писателя. Стремясь глубже проникнуть в смысл древнего предания, Иванов создавал новый миф из обломков старого. Движение вперед им воспринималось как возвращение к истокам.

Сказанное в полной мере относится и к преданию о титанах, растерзавших божественного младенца. Интерес к нему у русского поэта и религиозного философа возник благодаря Фридриху Ницше, вернее, его знаменитому трактату «Рождение трагедии из духа музыки». Немецкий мыслитель утверждал, что изначально единственным героем эллинской сцены был Дионис, испытывающий на себе страдания индивидуации. Мальчиком он «был растерзан на куски титанами», из его улыбки «возникли олимпийские боги», а из слез – люди. Главная заслуга Ницше в том, что «чудесные мифы» он истолковал на языке философии. Дионис – символ изначальной целостности бытия, нарушенной титанами. После их преступления возникает «разорванный, разбитый на индивиды мир». Он – все тот же Дионис, только существующий как «раздробленный бог». В основе *«мистериального учения трагедии»*, которое формулирует Ницше, лежит мысль о «единстве всего существующего». Соответственно в возникновении множества обособленных друг от друга вещей философ видит «изначальную причину зла». «Состояние индивидуации» он рассматривает как «источник и первооснову всякого страдания, как нечто само по себе достойное осуждения». Но нарушенная титанами целостность бытия вновь будет восстановлена. Надежда «эпоптов», посвященных в таинства эллинских мистерий, связана с рождением «третьего Диониса» и «концом индивидуации» [10, 94].

Приведенные выше рассуждения во многом предопределили религиозные искания Иванова. От Ницше он воспринял взгляд на индивидуацию как первоисточник зла. Но учение своего предшественника он обычно облекал в слова эллинского мудреца. «...Корень вины лежит в самом появлении на свет; это уже мысль той эпохи, когда Анаксимандр провозгласил, что индивидуумы гибнут, платя возмездие за вину своего возникновения» [5, т. 4, 427]. Эта глубинная интуиция предопределила имперсоналистические тенденции в творчестве Иванова, отчетливо проявившиеся в его мистической поэме «Человек».

Поэт воспринял не только мировоззренческие установки Фридриха Ницше. В ткань своих произведений Иванов органично включает рассказ о растерзании божественного младенца, дополняя его новыми деталями. В частности, дионисийский миф положен в основу дифирамба «Орфей растерзанный», вошедшего в поэтический сборник «Прозрачность». Произведение построено в форме диалога протагониста с хором Океанид. В Орфее угадывается служитель Аполлона, умиряющий своим словом темные стихии. В момент, когда достигнута наивысшая полнота бытия, начинаются характерные для Дионисовой религии метаморфозы. Морские нимфы неожиданно превращаются в Мэнад, совершающих ритуальное растерзание Орфея. Они уподобляют себя титанам, а свою жертву – Дионису:

Мы титаны. Он младенец. Вот он в зеркало взглянул:
В ясном зеркале за морем лик, его, делясь, блеснул!
Мы подкралась, улучили полноты верховной миг,
Бога с богом разлучили, растерзали вечный лик [5, т. 1, 804].

Виновник произошедших метаморфоз – Дионис, постоянно меняющий свои личины. Под его чарами жизнь разоблачается как смерть, жрец становится жертвой, а противник «самого многоликого бога» – одной из его ипостасей. «Вселенский закон превращений» [5, т. 3, 116], по которому живет ивановский космос, позволяет Океанидам в одноименном стихотворении стать «серебропенными Мэнадами» [5, т. 1, 527]. В рассматриваемом дифирамбе цепочка метаморфоз оказывается намного сложнее. Загадочные превращения испытывают на себе не только Океаниды, но и Орфей. Жрец Аполлона, он становится служителем Диониса, отождествляясь с ним и разделяя его страстную участь. Произшедшая метаморфоза поначалу может показаться неожиданной. Но Иванов исходил из того, что эллинское язычество приняло в себя «закваску монотеизма», следовательно, «под разными личинами многих богов религиозная мысль стремилась раскрыть единую божественную сущность» [4, 189].

Лена Силард, посвятившая «Орфею растерзанному» обстоятельное исследование, обошла, тем не менее, тему метаморфоз. В результате ей пришлось объяснять в своей работе, почему Иванов отказывается от «древ-

нейшей формы дифирамба», предполагающей «простую двусоставность». «В отличие от этого дифирамб Вяч. Иванова трехсоставен, так как в нем есть «зачинатель» (Орфей), а хор как бы делится на два полухория, поскольку кроме Океанид в финале появляются и Мэнады» [12, 216]. Такая трактовка вызывает серьезные сомнения, поскольку Океаниды изначально знают о предстоящем им ритуальном растерзании жертвы. «Отдай нам, смертный, земную грудь», – обращаются они к Орфею [5, т. 1, 801]. Провидит свою страстную участь и жрец Аполлона, наделенный пророческим даром: «Близок сонм их ярый. Тирсы остры, / И горят неистовые сестры / Жертвы плоть лобзать, пронзать, терзать» [5, т. 1, 803].

Не принимая во внимание дионисийские метаморфозы, трудно понять и общий смысл дифирамба. В «Орфее растерзанном» Иванов рисует «драму превращений» [5, т. 3, 117], когда жизнь и смерть взаимно переходят друг в друга. Океаниды знают, что растерзанному Дионису суждено воскреснуть: «Вновь из волн поработанных красным солнцем встанет он» [5, т. 1, 804]. Младенца снова разорвут на куски Титаны, и опять последует его возрождение. Такое чередование жизни и смерти будет продолжаться вечно. Представления о круговом движении времени – общее достояние эллинской культуры. Но Иванов, воссоздавая миропонимание древних, выходит в то же время за пределы античности. В игру космических сил он привносит идею добровольной жертвы. Зная о грозящей ему опасности, герой дифирамба осознанно отдает себя на растерзание Мэнадам. Принесенная Орфеем жертва позволяет увидеть в нем языческий прообраз Христа. На схожесть судьбы «поэта-жреца» и «христианского Спасителя мира» обратила внимание Н.Г. Арефьева [1, 140]. Такое сближение происходит не случайно, поскольку религию эллинов Иванов воспринимал как «евангельское приурочивание». Эту идею он положил в основу двух своих работ по классической филологии – «Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и прадионисийство». Орфей, полагал Иванов, «есть тот лик Диониса, в коем бог вочеловечившийся, совершая свое мировое мученичество, отрекается в то же время от воли своей, подчиняя ее закону воли отчей» [4, 168].

В работах по классической филологии Иванов в деталях описывает и растерзание божественного младенца. Еще ребенком Дионис «принимает от Зевса господство над миром. Но Гера злобится на сына не от ее ложа и подсылает – загубить его – диких Титанов. Они дарят ребенку символические игрушки – волчок, шар, пирамиду, между прочим зеркало, – чтобы отвлечь его внимание. Они вымазывают лица гипсом, чтобы быть неузнанными. Между тем как отрок любуется на свое отражение в зеркале, они нападают на него. Он ускользает из их рук чрез последовательные превращения, но в образе быка все же делается их добычей. Титаны поглощают растерзанные части бога, только сердце его, спасенное Афиною Палладой, достается Зевсу, который его проглатывает» [6, 39].

Иванов не только насыщает рассказ о растерзании Диониса дополнительными деталями, которые, по всей видимости, мало интересовали Ницше. Он наполняет его новыми смыслами, отсутствовавшими у его предшественника. В частности, с помощью мифа объясняется двойственная природа человека. Растерзавших божественного младенца титанов Зевс сжигает молниями. Из их пепла возникают люди, унаследовавшие «огненное семя небесного сына и хаотическую стихию земли» [5, т. 2, 195]. Последнюю идею Иванов позаимствовал у орфиков – существовавшей в древности религиозной общины, взявшей себе имя певца Орфея. Многие их идеи были восприняты эллинской философской мыслью, в частности, представление о теле как гробнице души.

Надо сказать, что «орфическому мифу» в русской культуре рубежа XIX–XX веков посвятил несколько работ А.А. Асоян [2, 179–191]. Но ученый ограничился лишь сюжетом о нисхождении Орфея в Аид, к которому часто обращались поэты Серебряного века. Понятно, что Иванова интересовало наследие орфиков во всей его глубине, о чем свидетельствует посвященная им отдельная глава в книге «Дионис и прадионисийство». В них он видел религиозных реформаторов, благодаря которым мистическая религия Диониса получила свое догматическое оформление. При таком подходе предание о певце, отправившемся в царство теней за Эвридикой, неминуемо отходит на второй план. Главным же в наследии орфиков Иванов видит религиозное осмысление мифа о растерзании Диониса. С его помощью древние мистики нашли свои ответы на вечные вопросы о происхождении мира и назначении человека, смысле жизни и природе зла.

Вершина же орфической мысли – античный неоплатонизм. В «Дионисе и прадионисийстве» чаще всего цитируется Прокл – философ, возглавлявший платоновскую академию в Афинах в пятом веке. В своей книге Иванов уже открыто называет традицию, к продолжателям которой он себя причисляет. «Неоплатоники... учат о двойственной природе человека: о хаотическом начале Титана в нем и о духовно-разумном начале Диониса» [4, 265], – утверждает русский писатель. В процитированном фрагменте он повторяет свою излюбленную мысль, но теперь она облекается в новые одежды. Удивительно, но Иванов, обратившись к античной философской традиции, в то же время в терминах Ницше продолжает рассуждать о растерзании божественного младенца. «Неоплатоники, описывая то, что в средние века было обозначено термином «*principium individuationis*», говорят о Дионисе как о владыке “разъединенного мироздания”» [4, 266]. Ницшевский контекст угадывается и в следующих словах: «Мир – страстной модус единого бытия, и Дионис – имя этого модуса в абсолюте» [4, 190]. В процитированном только что фрагменте Иванов повторяет мысль своего предшественника: мир – это Дионис, пребывающий в состоянии «раздробленного бога».

Оттолкнувшись от Ницше, русский писатель пришел к античному неоплатонизму – философской традиции, уделяющей первостепенное внима-

ние толкованию (экзегезе) древних мифов. После Иванова ее дальнейшим продолжателем стал А.Ф. Лосев, унаследовавший от него интерес к античной мифологии. Заслуживает особого внимания тот факт, что в одной из своих книг последний философ Серебряного века собрал подборку переведенных на русский язык античных источников о растерзании Диониса [8, 190–201].

В отличие от Иванова Ницше прошел мимо неоплатонической традиции. По всей видимости, он стал заложником собственной историософской схемы. «Смерть» трагедии, утратившей связь с мистериальными корнями, немецкий философ воспринимал как вселенскую катастрофу, после которой в истории человечества он видел лишь зияющую пустоту. В логику его построений никак не укладывалась неоплатоническая традиция, достигшая своего расцвета в последние века античности. В нарисованную им схему не вписывалось и христианство. Со временем Сын Человеческий становится для Ницше главным противником Диониса. В этом месте пути Иванова и его предшественника окончательно разошлись. Русский мыслитель исходил из того, что эллинское язычество послужило благодатной почвой, принявшей семена евангельского вероучения. Главная идея монографии «Дионис и прадионисийство» как раз и заключалась в том, чтобы показать преемственность мистической религии Диониса и новозаветных времен. В своей книге растерзание божественного младенца Иванов рассматривает как «первородную вину», «древний грех беззаконных предков», сближая тем самым орфическую картину мира с христианской. В библейской проекции преступление титанов соответствует поступку Адама, вкусившего запретный плод. «Догмат о грехопадении был... выведен из мифа о титанах» [4, 184], – прямо утверждает Иванов.

В двух своих филологических работах, посвященных эллинской религии страдающего бога, Иванов согласовал воедино сотни деталей и фактов, подчиняя их своей религиозно-философской концепции. Как отметила Н.В. Брагинская, «на первый взгляд, «Дионис и прадионисийство» – тяжеловесная «профессорская» книга, создание небывалого для наших широт эрудита, чье многознание кажется гарантом научной корректности. Однако история у Иванова нормативна, и литературоведение его профетическое» [3, 297]. По всей видимости, автор монографии о религии Диониса прекрасно сознавал, что его мысли необходим простор, не ограниченный строгими историческими рамками. Не удивительно, что многие свои религиозно-философские идеи Иванов воплотил в трагедии «Прометей», в основу которой положен «прикровенный от непосвященных, основоположный миф мистической общины древнейших орфиков» [5, т. 2, 160] – так в предисловии к своему произведению автор назвал предание о растерзании Диониса.

В трагедии об этих событиях вначале рассказывает Прометей, затем о них же поведала людям Пандора. В первом случае титанов испепеляют мол-

нии, во втором – они гибнут от внутренней причины, поскольку их темная природа не может вместить в себя божественный огонь:

Небес алкали – род Земли – Титаны:
Подкрались к младенцу Дионису,
Пожрали плоть его, огнем палящим
Насытились – и пали пеплом дымным;
А сердце сына, бьющееся сердце,
Отец исхитил и в себе сокрыл [5, т. 2, 145].

Из пепла сожженных титанов Прометей создает людей – этот мотив пусть редко, но все же встречается в древнегреческой литературе [9, 198]. Поначалу может показаться, что Иванов вообще не выходит за пределы античности. В то же время автор предупреждает о «вольности», с которой разработан в трагедии «древний миф» [5, т. 2, 168]. Такая оговорка связана с тем, что в произведении воедино слиты эллинские и библейские элементы. Если говорить точнее, то на древнегреческую почву пересажены важнейшие сюжеты Книги Бытия. Подобно ветхозаветному Каину, Прометей преподносит богам «личины жертв и мороки обманчивого дыма». Созданию Евы из ребра Адама в трагедии соответствует сотворение Пандоры – женского двойника Прометея, которого он извел из самого себя при помощи матери – богини Фемиды.

Из Книги Бытия позаимствован и сюжет, связанный с братоубийством. «Мятеж» происходит в среде избранников Прометея, которым титан доверил оберегать похищенный с небес огонь. Архат из ревности убивает Архемора, первым получившего небесный дар из рук «отца». Вместе с каиновым грехом в мир входит смерть. От быстрого бега задыхается убийца Архат, в борьбе со львом гибнет Офельт, Автодик пронзает себе грудь копьем. С ужасом прометеевы чада узнают, что всем им предстоит пройти сквозь горнило смерти. «О вождь! мы все ль умрем?» – вопрошает Никтелией. «Все ль, Прометей?» – с надеждой переспрашивает Пирр [5, т. 2, 125]. Но создатель человеческого рода еще раньше возвестил Автодику неумолимую правду: «И ты не знал, что глина глиной станет?» [5, т. 2, 118]. Его ответ имеет своим источником слова Господа, обращенные к Адаму: «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19).

Иванов не только заимствует ветхозаветные сюжеты, но еще и умело объединяет античные мифы. В частности, в трагедии «Прометей» появляется образ играющего ребенка, восходящий к знаменитому фрагменту Гераклита В52. В переводе А.Ф. Лосева изречение древнегреческого философа звучит так: «Вечность есть дитя, играющее, которое расставляет шашки: царство [над миром] принадлежит ребенку» [7, 365]. В «Прометее» позаимствованный у Гераклита образ соединяется с мифом о растерзании младенца, обогащаясь новыми смыслами:

... Древле сына Зевс родил.
В начале было то; родилось время
С рождением Сына; был иной тот Зевс
Владыкой мира он Дитя поставил,
И сладостно играл вселенной сын,
И в той игре звучало стройно небо [5, т. 2, 145].

В интерпретации Иванова играющий ребенок оказывается первородным Сыном Божьим, «владыкой мира». В то же время он – добровольная жертва, которую приносит Отец, отдавая Дитя на растерзание титанам. В результате младенец Дионис неминуемо превращается в языческий прообраз Христа. Такое смысловое наполнение образа играющего ребенка подкрепляется другими фрагментами учения Гераклита. Ему мировая философская мысль обязана термином «Логос» («Слово»), который евангелист Иоанн использовал для наименования второй ипостаси Пресвятой Троицы. С тех пор Логос приобрел для христиан сакральное значение. Это слово становится одним из имен Сына Человеческого, искупившего своим крестным подвигом грехи мира. Гераклита же нередко стали называть «христианином до Христа». Именно на эту традицию, идущую от Иустина Философа, опирался Иванов, когда писал в «Римском дневнике 1944 года»: «О слове Гераклиту голос / Поведал, темному, темно; / И шепчет элевсинский колос: / “Не встанет, не истлев, зерно”». Античный философ, которого еще в древности называли «темным» за избыливающий антиномиями стиль мышления, предстает языческим пророком, поведавшим эллинам о грядущем вочеловечении Логоса. В результате полученное Гераклитом прозвище обретает новый смысл. Ему, язычнику, дано было лишь смутно узнать о грядущих во времени евангельских событиях.

С именем Гераклита «Прометей» прочно связывает еще одна смысловая нить. Античный философ учил об огне, из которого возникает вселенная, а затем вновь в него превращается. Именно этот образ пронизывает собой всю ткань произведения – от первого действия до последнего. Все события в трагедии вплоть до пленения Прометей разворачиваются вокруг огня. Иванов последовательно различает два его типа. Рассказывая людям о преступлении титана, Пандора замечает: «Небесного умножить в вас огня / Не мог художник: вам иной огонь / Добыть промыслил – от небесных молний» [5, т. 2, 149]. Проведенное различие имеет первостепенное значение для уяснения смысла трагедии. В предисловии к своему произведению Иванов поставил знак равенства между «ноуменальным Огнем», Дионисом, «Женихом и Светом Новым» [5, т. 2, 159]. Сделанное им пояснение позволяет понять слова Прометей, обращенные к «избранникам»: «Юноши! Невеста – / Святой огонь: лелейте же его, / Придверники невестина чертога! / Придет жених и нас освободит» [5, т. 2, 122].

Впрочем, «надежды тщетны, и человек обречен скитаться между двумя мирами, моля о небытии как милости и успокоении», – это уже цитата из работы А.Л. Порфирьевой, посвященной драматургии Иванова [11, 48]. Ее автор исходит из того, что Прометей «затмением зол грядущих», «льстивыми надеждами» понуждает «к жизни свое творение», подталкивает «его на путь, заведомо не ведущий к свету» [11, 49]. Сынам мятежного титана, в самом деле, уготована тернистая судьба, поскольку живут они в ветхозаветные времена. Заимствования из Книги Бытия неожиданно обретают еще один смысл. Они четко очерчивают временные координаты, в которых разворачиваются действия в трагедии. Но в таком случае слова Прометея определенно указывают на грядущий приход Спасителя человечества – Христа. Напомним, что Жених – одно из евангельских его имен.

Таким образом, предание о растерзании божественного младенца титанами превращается в языческую версию Книги Бытия. Привнося ветхозаветные элементы в античную мифологию, Иванов подчеркивает преемственность мистической религии Диониса и евангельских времен. Это была главная идея, которую автор трагедии «Прометей» хотел донести своим читателям. Христианству, как утверждал Иванов в книге «Дионис и прадионисийство», «было приготовлено в пантеоне языческой теософии верховное место» [4, 191].

1. Арефьева, Н.Г. Древнегреческие мифопоэтические традиции в литературе русского модерна (Владимир Соловьев, Вячеслав Иванов): монография / Н.Г. Арефьева. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007.

2. Асоян, А.А. Вячеслав Иванов и орфический сюжет в культуре Серебряного века / А.А. Асоян // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Вып. 6: Интерпретация художественного произведения: Сюжет и мотив; отв. ред. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 179–191.

3. Брагинская, Н.В. Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова / Н.В. Брагинская // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Наука, 1988. – С. 294–327.

4. Иванов, В.И. Дионис и прадионисийство: монография и статьи / В.И. Иванов. – СПб.: Алетей, 1994.

5. Иванов, В.И. Собрание сочинений: в 4 т. / Вячеслав Иванов; под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. – Bruxelles : Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.

Т. 1 / введ., послесл. и примеч. О. Д[ешарт]. – 1971.

Т. 2 / послесл. О. Д[ешарт]. – 1974.

Т. 3 / послесл. О. Д[ешарт]; Д. И[ванов]. О.А. Шор – О. Дешарт: [некролог]. – 1979.

Т. 4 / ред. при участии А.Б. Шишкина; послесл. Д. И[ванова]; Лидия Вячеславовна Иванова: [некролог]; [Приложение]. Речь Иоанна Павла II к участникам Римского симпозиума «Вячеслав Иванов и культура его времени». – 1987.

6. Иванов, В. Эллинская религия страдающего бога / Вячеслав Иванов // Новый путь. – 1904. – № 5. – С. 29–40.

7. Лосев, А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика) / А.Ф. Лосев. – М.: Высшая школа, 1963.

8. Лосев, А.Ф. Мифология греков и римлян / А.Ф. Лосев; сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996.

9. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995.
10. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше; [сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер с нем]. – М.: Мысль, 1997. – Т. 1.
11. Порфирьева, А.Л. Вячеслав Иванов и некоторые тенденции развития условного театра в 1905–1917 годах / А.Л. Порфирьева // Русский театр и драматургия 1907–1917 годов: сб. науч. трудов; отв. ред. А.А. Нинов. – Л.: ЛГИТМиК, 1988. – С. 37–53.
12. Силард, Л. Орфей растерзанный и наследие орфизма / Л. Силард // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1996. – Т. 41. – P. 209–246.

Научный журнал

ΦΙΛΟΛΟΓΟΣ

Выпуск 12

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение – В. М. Гришин

Дизайн обложки – Б. П. Иванюк

Формат 70 x 108/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Усл.-печ.л. 9,0. Уч.-изд.л. 9,2.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-30 экз.). Заказ 21

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28